

НКВД
ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

С Е Р Г Е Й
З В Е Р Е В

ВОЙНА
КОНЧАЕТСЯ
ВОЙНОЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 **Война кончается войной / Сергей Зверев.** — Москва : Эксмо, 2017. — 288 с. — (НКВД против врагов Родины).

ISBN 978-5-04-089115-3

В освобожденном от фашистов Ровенском районе Украины зверствуют банды националистов. Части НКВД преследуют бандитов, но те, при поддержке немецкого командования, действуют хитро и изворотливо. После очередного рейда в руки чекистов попадает записка, адресованная руководителям нацистского подполья, в которой идет речь о готовящейся кровавой бойне под кодовым названием «Красный восход». На этот раз жертвой оуновцев должно стать молодое пополнение Красной армии. Но где и когда бандиты нанесут удар — неизвестно. Чтобы сорвать планы нацистов, на помощь местным властям прибывает группа оперативников из Москвы. Им удастся выяснить, что в разработке предстоящей резни националистам помогал кто-то из числа... ровенских чекистов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089115-3

© Зверев С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ГЛАВА 1

Самым обидным было то, что он потерял свою пограничную фуражку. А что ты за пограничник, если у тебя нет зеленой фуражки — символа погранвойск. Эта мысль острой занозой застряла в голове. Трясло невероятно, нестерпимая боль от раны в плече пронзала насквозь и доставала, казалось, до самого сердца.

Алексей стискивал зубы и, чтобы не стонать, старался отвлекать себя мыслями, заставлял думать о том страшном, что произошло за последний месяц. Он то терял сознание, то снова выплывал из тошнотворной тьмы, и его опять трясло и качало. Он упорно старался думать, борясь с накатывающейся дурнотой: «Если я еще раз потеряю сознание, то умру. А пограничник не имеет права умирать, пока его землю топчет враг. Пограничник защищает границу всеми силами».

Лейтенант Алексей Мороз прибыл в штаб 90-го Владимир-Волынского погранотряда 10 июня 1941 года. Выпускнику училища хотелось сразу попасть на заставу, где ему предстояло собственноручно, ну и с помощью своих товарищей, ко-

нечно, ловить агентов империалистических разведок, которые то и дело пытались перейти границу Советского Союза, чтобы вершить здесь свои черные дела.

Но командование, ознакомившись с аттестациями молодого лейтенанта, решило иначе — учебный центр и подготовка молодых солдат, прибывающих служить на границу.

— Вы знаете, товарищ лейтенант, — строго спрашивал Мороза начальник отряда майор Михаил Степанович Бычковский, — в каких условиях вам здесь служить придется? Учитывайте, что население этих районов только недавно принято в семью братских народов СССР. Местные жители десятки, сотни лет были под гнетом польских панов и румынских эксплуататоров. Они никому не верят, они не видели ни свободы, ни свободного труда. Доверие советской власти в их глазах еще придется заслужить, показать, что мы истинно народное государство. А пограничники здесь — прямые представители власти и первые защитники. Без помощи местного населения границу охранять сложно. Нужна поддержка людей. А здесь многие нам еще не доверяют, боятся, а есть еще такие, и их немало, кто желчью исходит, лютой злобой ко всему, что называется словом «советский». Эти готовы и нож в спину. Учиты-

вайте это, товарищ лейтенант, присматривайтесь. Учитесь понимать этих людей.

Да, был такой разговор. Это Алексей помнил. Помнил он и напряженные последние дни, когда тревожные сообщения буквально сыпались на командование отряда. И звуки моторов на той стороне, и передвижение войск, и, говорят, даже перебежчик был. А потом поступил приказ в ночь на 22 июня занять оборонительные укрепления на заставах. А что за укрепления! Окопы да несколько ДЗОТов¹. И что могла сделать застава при штатной численности 42 человека, когда все вооружение состояло из одного станкового пулемета «максима», трех ручных пулеметов Дегтярева и 37 пятизарядных винтовок образца 1891/1930 года? И боезапас — по 200 патронов на каждую винтовку, по 1600 на каждый ручной пулемет и 2400 на станковый пулемет. Правда, были еще гранаты: по четыре «РГД» на каждого пограничника и десяток противотанковых гранат на всю заставу.

Все это Алексей Мороз знал еще со времен обучения в училище. Этого вооружения хватит на пару часов полноценного боя, а заставы держа-

¹ ДЗОТ (*аббрев.*) — деревоземляная огневая точка. Полевое оборонительное фортификационное сооружение из досок, бревен и земляной насыпи. Имела, как правило, одну или две амбразуры для ведения пулеметного огня.

лись сутками. Дрались, отбивали атаки и... умирали. Не отошел ни один пограничник.

22 июня лейтенанта Мороза с пятнадцатью бойцами отправили на помощь 13-й заставе, которая вела бой уже несколько часов. Умело организовавший оборону начальник заставы лейтенант Лопатин отбивал атаку за атакой. Мороз хорошо видел перепаханые снарядами и минами укрепления: полузасыпанные окопы, разбитые ДЗОТы. И лежащих пограничников. Слишком много их лежало на брустверах и в окопах без движения, все еще сжимая в руках оружие. Убитые, убитые, убитые...

Морозу со своим маленьким отрядом с автоматами «ППШ», тащившим гранаты и патроны, не удалось преодолеть каких-то пятисот метров. Не добившись успеха в лобовой атаке, немцы обошли заставу с флангов.

Группу Мороза атаковало не меньше роты фашистов с двумя бронетранспортерами. Яростный бой был коротким. Исполосованный пулеметным огнем лесок проутюжили гусеницами немецкие танки.

Раненый Мороз пришел в себя и понял, что он полузасыпан землей. Ночь, холодные звезды, вызывающие страшный озноб, а вокруг — тела пограничников. Где-то продолжался бой, там же в ночи ревели двигатели немецкой бронетехники, лязгали гусеницы.

ВОЙНА КОНЧАЕТСЯ ВОЙНОЙ

Лейтенант помнил, что, перевязав, как мог, плечо, он два дня пытался ползти. Потом голоса, какие-то люди. Его подняли, положили на телегу и повезли. Страшная тряска, от которой он все время терял сознание. Иногда в голове светлело, и он видел, что рядом с телегами идут какие-то люди в гражданском. Потом рев танковых моторов...

Когда Мороз открыл глаза в следующий раз, то увидел немецкого офицера с плетеными погонами. Тот рассматривал его офицерское удостоверение.

— Вот, господин офицер, это пограничник! — сообщил стоящий рядом высокий мужчина в полувоенном френче. — Мы патриоты Украины, и мы готовы помогать немецким властям.

— Кто вы такие? — коверкая русские слова, спросил немец. — Партизаны?

— Мы патриоты из Организации украинских националистов¹. Мы вместе с доблестной герман-

¹ С началом нападения Германии на СССР боевики и сторонники ОУН развернули широкую диверсионную и саботажную деятельность в тылах РККА. В ряде городов и населенных пунктов были инициированы вооруженные выступления. Часто продвигавшиеся в передовых эшелонах немецких войск сторонники ОУН, т. н. походные группы ОУН, при занятии населенных пунктов организовывали в них новую администрацию и структуры управления, в том числе украинскую милицию.

ской армией готовы очищать украинскую землю от большевиков!

— Для кого очищать? — холодно глянул на украинцев офицер. Не дождавшись ответа, он, не глядя, швырнул документ в телегу, махнул своему водителю рукой и бросил короткое «не нужен».

Приложив пальцы к козырькам гражданских кепок и военных мягких фуражек, националисты стояли, отдавая честь, пока машина не скрылась в пыли, обгоняя маршевую немецкую часть.

— А що с этим робити? — спросил один из мужиков, кивая на пограничника.

— Давай в лис, — махнул высокий в сторону опушки.

— Хлопцы, видпустили б ви мене? — взмолился мужик-возчик, который все это время держал коня под уздцы.

— Погоняй! — рывкнул высокий и широким размашистым шагом двинулся к лесу.

На ближайшей поляне он велел остановиться и разжечь костер. Лейтенанта сбросили с телеги, из его раны на плече снова пошла кровь, пропитывая подсохшую гимнастерку. Один из бандитов деловито достал из-под соломы винтовку, выта-

Уже 23 июня 1941 года руководство ОУН направило меморандум о своем дальнейшем сотрудничестве с Германией в Рейхсканцелярию.

шил из нее шомпол и принялся нагревать его на огне. Мужик-возчик зажмурился и отвернулся.

Высокий, которого все называли Остапом, рывкнул на возчика, чтобы тот не отворачивался и смотрел. Мужик побледнел. Через пелену страха и ужаса, застилавшую его глаза, он видел, как дергаются ноги пограничника, как он стонет и пытается вырваться. Потом ноги перестали скрести по траве. Перепуганный до смерти свидетель дикой расправы не знал, что последние двадцать минут после этого оуновцы, сами того не ведая, глумились уже над мертвым телом.

...Несколько месяцев тяжелых наступательных боев в Приднепровье к весне 1944 года были позади. Войска четырех Украинских фронтов взломали немецкую оборону на всем протяжении от Припяти до низовий Днепра и продвинулись в течение двух месяцев в западном направлении на 150—250 км.

Были разгромлены несколько крупных группировок врага и сорваны его планы восстановления обороны по Днепру. Были освобождены Киевская, Днепропетровская, Запорожская, Житомирская, Ровенская и Кировоградская области, ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей.

Но мир на освобожденных территориях все еще не наступал. Разрозненные группы немцев пробирались к линии фронта. Используя заранее подготовленные схроны, склады с оружием и продовольствием, активизировались банды украинских националистов. Они убивали советских военнослужащих, охотились за старшими офицерами, нападали на склады, зверски расправлялись с представителями советской власти на местах, особенно в сельской местности. Объектами диверсий оуновцев были: железная дорога, объекты городской инфраструктуры, партийные и советские административные здания, предприятия.

...Пулеметы били длинными очередями, не давая бойцам роты НКВД поднять головы. «Да сколько же у них там патронов? — со злостью подумал старший лейтенант Шаров, лежавший в старой воронке от авиационной бомбы. — Миномет бы сюда! Через десять минут в дым, в пыль разнесли бы этот чертов лесок. Вот она, специфика. Нужно взять хоть кого-то живыми, иначе — ноль информации, начальство потом живьем съест».

Шаров повернулся на бок и посмотрел назад, в сторону шоссе. Там на большой скорости неслись два «студера», крытых брезентом.

— Ну, наконец-то, — кивнул он на машины капитану, лежавшему рядом с ним с автоматом в руках. — Теперь мы их зажмем с двух сторон,

ВОЙНА КОНЧАЕТСЯ ВОЙНОЙ

начнут поднимать лапы вверх. Жить им сейчас хочется, понимаешь!

И вдруг в ответ на пулеметы, бившие из леса, ударили несколько винтовок, потом еще и еще. Хлесткие выстрелы стегали по кустам, как кнутом, и вот уже вся цепь бойцов НКВД ввязалась в непрерывную перестрелку.

Шаров ругнулся, вытаращив от бешенства глаза, заорал:

— Прекратить огонь, вашу мать! Прекратить!

Капитан, командир роты, чьи бойцы не выдержали и начали стрелять по бандитам, вскочил и бросился вперед, к передовой цепи. Шаров ударил что есть силы кулаком по земле, потом устало вытер лицо тыльной стороны ладони и пробормотал:

— Что же вы, ребята. Не 41-й же, научились небось воевать-то. Что же вы сорвались?

Спать хотелось невероятно. Шаров был на ногах уже третьи сутки, с тех пор как 16 мая стало известно о банде оуновцев. Пока опрашивали очевидцев, пока осматривали место их последней дневки, вычисляли направление движения, старший лейтенант Шаров, которого направили из Ровно на поиски банды, мотался с места на место, принимал решения, звонил в Управление майору Воротникову. Потом они буквально на коленке

разработали план блокирования банды восточнее Здолбицы.

Банда затаилась в лесном массиве, и чтобы оуновцы не прорвались к шоссе, Шаров прижал их огнем одной ротой. В ответ бандиты стали отстреливаться как бешеные, но почему-то не делали попыток прорваться, уйти. И когда через полтора часа прибыла еще одна рота из состава частей НКВД по охране железной дороги, Шаров принял решение атаковать и уничтожить банду.

— Товарищ старший лейтенант! — позвал его молоденький младший лейтенант, придерживавший на голове наушники рации. — Лиса на связи. Сообщает, что вышел на место.

— Ну понеслась, — глянув на часы, зло бросил Шаров. — Лисе ждать. Запроси готовность Волка.

— Волк готов.

— Всем готовность — три минуты. Атака по команде «Ракета».

Шаров облокотился о землю и прижал к глазам бинокль. Командир роты осадил своих разгорячившихся, рвущихся в бой солдат, и теперь стрельба на окраине лесочка поутихла. Да и пулеметы стали бить реже, короткими очередями. «А ведь они перемещаются, меняют позиции, — понял Шаров. — Значит, поняли, что прибыло новое подразделение и колечко сжимается».

— Радист! — крикнул Шаров, укладывая бинокль в чехол на груди. — Команда «Ракета». Три раза передай всем — «Ракета»!

Стряхнув травинки с кожуха ствола своего «ППС», оперативник стал ждать. Вот по намеченным целям ударили ручные пулеметы из ротной цепи. Бойцы в синих фуражках попарно перебежками бросились вперед. Винтовки били теперь по лесу не беспорядочно, открылась четкая прицельная стрельба. Неожиданно за лесом тоже заработали пулеметы, потом несколько автоматов, судя по звуку — немецкие «МП-40».

— Есть, родимые, — улыбнулся Шаров, опуская на подбородок ремешок фуражки. — Радист, за мной!

Он бежал, перепрыгивая канавы и рытвины. Стрельба переместилась в лес и велась теперь хаотично то в одном, то в другом месте. Банду рассеяли, это было очевидно. У самой опушки Шаров увидел двух раненых бойцов из роты НКВД, которым оказывали помощь санитары. В лесу он сразу наткнулся на мертвого пулеметчика-оуновца. Пуля попала ему в голову, немецкий «МГ-42», лежащий перед ним, был залит кровью. Потом трупы стали встречаться чаще. На опушке, подняв руки за голову, стояли трое бандитов. Бойцы обыскивали их, бросая извлеченные из карманов вещи на расстеленную плащ-палатку.